

Научное сообщение

И. А. Пшечева

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕПИСКОПА ТАВРИЧЕСКОГО МИХАИЛА ГРИБАНОВСКОГО

Врезка: Его портрет стоял в кабинете Чехова. Его облик приводил в восхищение Горького. О нем говорили как о будущем Патриархе. Его трижды хоронили в симферопольскую землю.

В 1902 году рассказ А.П.Чехова с таким названием стал событием в литературной жизни России. Повествовал он о чистоте человеческих чувств, вошедших в сопричастность со Святыней, о возвышающей силе великих Евангельских строк, о кресте и предназначении духовного пастыря. В эпоху прочно поселившегося в умах российской интеллигенции атеизма и всеразъедающего скепсиса – печального социального диагноза доктора Чехова, рассказ прозвучал звенящей чистой нотой.

У героя знаменитого произведения был знаменитый прототип – умерший четырью годами ранее Епископ Таврический и Симферопольский Михаил (Грибановский). С самого начала жизни он был отмечен печатью особого предназначения. Он родился 2 ноября 1856 г. в семье потомственных представителей духовного сословия. Отец - протоиерей Михаил Иерофеевич Грибановский, благочинный церкви г. Елатьмы Тамбовской губернии, пользовался глубоким уважением как выдающийся пастырь и серьезный бескорыстный общественный деятель – "соль земли русской". Горячо любимая мать Фавста Ермиловна также происходила из рода представителя клира. Едва ли не с первыми проблесками осознанности в ребенке из благочестивой семьи стала проявляться не по годам высокая мера требовательности к себе. В самых ранних дневниковых записях обнаруживает себя это качество, которое в зрелые годы превратилось в каждодневный подвиг духовного трезвения: «Если хочешь достигнуть цели, то отдайся ей безраздельно, позабудь самого себя, не думай, не чувствуй, не желай, не поступай так, как хочется тебе, а как должно для достижения цели... Всякое доброе намерение и желание нужно сейчас же приводить в исполнение. Намерение и желание без их исполнения на деле не более как пустоцвет. Он сперва радуется своей красотой, но, увы! красота не принесет никакого плода».

Ко времени раннего детства Михаила Грибановского относится знаменательный случай. Дом отца посетил великий русский богослов Феофан Затворник (тогда – Епископ Тамбовский). Проходя на балкон через невысокую дверь, преосвященный Феофан случайно уронил свой головной убор. Монашеский клобук упал на руки

шедшего следом 5-6-летнего Миши. Сам Епископ Михаил, вспоминая этот случай, смотрел на него как на пророческое предугадание своего монашеского пути. Пройдут годы, и Провидение вновь сведет вместе двух подвижников благочестия.

В пору семинарской юности Михаил Грибановский не избежал веяний времени, пройдя через увлечение либеральными идеями, а в философии – позитивизмом. Иначе и быть не могло: в науке того времени делалось так много открытий, а картина мира так стремительно менялась, что философия могла сохранить свои позиции, лишь заговорив на языке науки. Поэтому и духовные семинарии той поры, идя в ногу с эпохой, не были уже ни прибежищами консерваторов, ни цитаделями обскурантизма. По Уставу 1869 г. уже здесь, в среднем духовном звене, ученики получали глубокое, всестороннее и системное образование, велось преподавание основ современных наук. Это, при должной постановке основного богословского курса, должно было не подтачивать, а лишь укреплять живую веру учащихся. Не случайно, спустя десятилетие, именно выпускники духовных учебных заведений окажутся провозвестниками идей русского религиозно-философского ренессанса. К разряду таких учебных заведений относилась и Тамбовская семинария, в которой с 1872 по 1879 гг. обучался Михаил Грибановский. Разработанная здесь программа по философии отвечала самым высоким европейским образовательным стандартам. Однако и ее оказалось недостаточно для цепкого ума любознательного юноши. Изучив всю доступную литературу на русском языке, он специально выучил немецкий – язык наиболее популярных философских направлений. Это позволило ему раньше других разглядеть основной недостаток позитивизма: казалось, единственное, чего не желала замечать эта поистине универсальная доктрина, были проблемы духа, богословия, тонкой метафизики. Модная теория на поверку оказалась духовным тупиком. Растрачивать время в слепом блуждании такими бесплодными тупиками – значило платить непомерно высокую цену за мировоззренческий опыт. О том, каким капиталом является время, Михаил Грибановский знал, как никто другой: почти все из его 10 братьев и сестер умерли, не дожив до зрелого возраста. Уже будучи студентом Санкт-Петербургской Духовной Академии, он делает в дневнике запись: «Кто хочет ориентироваться в жизни, кто хочет решить неотвязные вопросы «откуда», «что такое» и «куда», – тот философ. Но кто хочет решить это наиболее истинно, кто не хочет повторять задов, давно отвергнутых или недостаточных, тот должен знать историю философии как ряд гениальнейших попыток в этом направлении». Здесь, в Академии, где его миропонимание окончательно сложилось под влиянием всего курса богословских дисциплин, где на собственном опыте он убеждался, какое высокое организующее начало превносит в хаос человеческого опыта вектор духа, Михаил Грибановский наметил направление главного концептуального рывка. Он понимал, что в длинной череде философских систем, за два тысячелетия разработанных человечеством, право именоваться религиозными на полном основании имеют лишь немногие из них. Максима «философия – служанка богословия» была, по большей части, апокрифом, порожденным подменой понятий или незнанием. Бедственным для философии обстоятельством, зачастую, было именно то, что она, по-настоящему, никогда не была ею. Иначе не было бы в ее жизни критических периодов, когда, лишившись почвы, своего предмета и метода, она сдавала свои пози-

ции, одну за другой, иным, более приспособленным к духу времени, формам знания. Ведь и теперь, на пороге нового XX века», ученые, уверовавшие во всемогущество факта, эксперимента, провозглашали: «Наука - сама себе философия!». Итак, задача была ясна: создание подлинно жизнеспособной и продуктивной христианской философии в ее вершинной православной фазе и встраивание ее в трехчленную схему: дохристианская религиозная философия (Гераклит), западнохристианская религиозная философия (Шеллинг), православнохристианская религиозная философия. 5 января 1883 года дневниковая запись отразила этот момент принятия решения: «Осмыслить философски христианство – вот величайшая цель, настоящего времени, намеченная Шеллингом. Не должно быть разлада. Догматы величайшей, абсолютной религии должны быть величайшей, истиннейшей философией. Нужно только понять их и проникнуть философским анализом и синтезом. Нет еще христианской философии. Ее нужно создать. По ней тоска, ее жаждет человечество, не удовлетворяющееся одной лишь верой. Вот задача, достойная гениев. Не разрешить ее, а только совершить хотя бы ничтожную попытку к ее разрешению у нас в России, натолкнуть мысль на это – вот великая задача моей мысли».

Написанная в 1883 г. кандидатская диссертация «Религиозно-философское мировоззрение философа Гераклита», до наших дней не дошедшая, стала первой частью дерзновенного замысла Михаила Грибановского. Прделанная работа не ограничилась философской рефлексией: труды Гераклита Эфесского сохранились только в виде разрозненных фрагментов у раннехристианских авторов – Клементя Александрийского, Ипполита Римского, Оригена, Иустина-философа. Исследователю вначале пришлось восстановить целостность утраченных текстов и лишь затем, на их основе приступить к философскому осмыслению взглядов греческого мыслителя.

В 1887 г. Михаилу Грибановскому было суждено сделать еще один - и последний – шаг по направлению к своей цели. В условиях сырого и промозглого санкт-петербургского климата наследственная болезнь прогрессировала стремительнее, чем ожидали доктора. Продолжать работу в таких условиях становилось невозможным. Магистерской диссертацией «Истина бытия Божия. Опыт уяснения основных христианских истин естественной человеческой мыслью» в научно-исследовательской работе была поставлена точка. И все же, самое общее ознакомление с этим трудом указывает на всемирное значение сделанных в нем философских открытий. Диссертация отличалась смелой постановкой вопроса – выдвинуть продуктивное и состоятельное для своего времени доказательство бытия Бога. Попытки таких доказательств в истории мировой философии предпринимались много раз. Тема эта была одной из центральных в средневековой патристике и схоластике. Свои варианты доказательств в разное время выдвигали апофатическая теология, апологетика, теодицея. Однако, в Новое время Иммануил Кант в своей классической работе «Критика чистого разума» опроверг возможность такого рода доказательств, чем на длительное время обезоружил сторонников этой идеи. Чтобы дезавуировать максимы Канта, необходимо было, чтобы созрела новая методологическая база как в философии, так и в науке. Но Михаил Грибановский не даром прошел через горнило позитивизма. Обладая широкими познаниями в области современных ему наук и, одновременно, будучи энциклопедически образованным бого-

словом, молодой христианский ученый предложил смелый и доселе невиданный ход, осуществив сложный синтез лучшего, что содержалось в этих двух подходах. Почти не прибегая к философскому категориальному аппарату, он обосновал бытие Божие «естественной человеческой мыслью», т.е. с помощью понятий психологии – нового в то время, передового научного направления. Результатом такого соединения стало уникальное, никем ранее не предпринимавшееся «психологическое» доказательство бытия Бога. Нигде в тексте не опровергая авторитета Канта, автор тактично и тонко выявил слабые места в системе доказательств великого немецкого философа, на полемику с которым мировая философская мысль отважилась лишь совсем недавно. Мыслитель по складу ума, Михаил Грибановский смело поднимал целые пласты новых для исследования тем. Так и тема христианского понимания свободы, затронутая им в диссертации, двумя десятилетиями позже прозвучит со страниц сборника «Вехи» призывом отца Сергия Булгакова: «Смирись, гордый человек - и обретешь свободу, о которой не мечтал!».

Смирение... из всех христианских добродетелей она труднее всего дается человеку. Нередко, путь к ней лежит через узкие врата суровой монашеской аскезы. 14 января 1884 года Михаил Грибановский принял постриг, сохранив в монашеском сане свое прежнее имя. Четыре года назад порог Духовной Академии переступил одаренный молодой человек, с воодушевлением юности желавший посвятить свою жизнь делу Православия. Тогда из числа прочих его выделяли, разве что, более глубокие познания в философии да особенный личный магнетизм, который ощущали на себе все, кто приходил с ним в соприкосновение. Стены Академии покинул человек Писания, сильный в своей зрелой вере, блестяще образованный богослов и миссионер, твердый в обетах верности Единой Апостольской Церкви. После окончания Академии отец Михаил был рукоположен во иеромонаха и оставлен при ней в должности инспектора. О его ораторском даре и силе убеждения ходили легенды. Вспоминали, что после лекций приват-доцента Грибановского о монашеском постриге стали задумываться закоренелые скептики и даже те, кто имели дерзость смеяться над богословием. В академическое монашество после 20-летнего перерыва возвращалось целое поколение молодых священнослужителей. Отец Михаил был наделен неоценимым для ученого-богослова качеством: почтение к Священному Преданию и Соборному разуму Церкви в соединении с самостоятельностью и смелостью собственных богословских суждений. В 1886 – 1889 гг. он много работает в жанре религиозной публицистики. В это время в журнале «Церковный вестник» публикуются его большие полемические статьи: «В чем состоит церковность», «Наши страдания и их главная причина», «Еще о так называемом монашестве ученом».

Дальнейший духовный путь Михаила Грибановского предопределила его встреча с тремя величайшими подвижниками России конца XIX в. – Феофаном Затворником, к тому времени ставшим отшельником, патриархом старцев Оптиной Пустыни Амвросием и Иоанном Кронштадским. Независимо друг от друга три великих прозорливца предсказали иеромонаху Михаилу путь духовного служения вне схимы, предвидя, что подлинное призвание молодого священнослужителя - в живой проповеди и работе с людьми.

В числе наиболее влиятельных мирских покровителей о. Михаила был выдающийся государственный деятель пореформенной России обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев. Консерватор в вопросах светской политики, он всегда был горячим и последовательным защитником православия. Его пламенное слово в защиту устоев Веры звучало на всю Европу и он высоко ценил этот дар убеждения во вверенных ему служителях церкви. Поэтому, когда перед обер-прокурором была поставлена задача рекомендовать лучших представителей духовенства для встреч и бесед с Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем во время его поездки по Империи, Победоносцев без колебаний в числе первых назвал имя Михаила Грибановского: «Это человек прекрасной души, ясного взгляда, ученый, образованный, благочестивый ... Он был инспектором здешней духовной академии, которая горестно простилась с ним, когда у него оказалась чухотка и надо было отправить его, почти безнадежного, на юг». Со временем должностной патронаж со стороны обер-прокурора сменился истинно отеческой любовью. По его настоянию о. Михаил был переведен в Афины, где находился в сане архимандрита и настоятеля посольской церкви при Российской дипломатической миссии. Здесь, в Греции он смог в полной мере раскрыть свой талант проповедника и оратора. Службы отца Михаила посещали, наряду с членами Российского дипломатического корпуса и офицерами дислоцированных в Греции, частей Российского и Французского флотов, представители греческой интеллектуальной элиты, а во время своих визитов в Афины – и сам Победоносцев. Отец настоятель пользовался дружеским покровительством августейшей особы: Ее Величество Королева Эллинов Ольга Константиновна - урожденная Романова, дочь Великого Князя Константина Николаевича – была его прихожанкой, любила и поддерживала пастыря и соотечественника и до конца жизни преосвященного Михаила горько сожалела о том, что ему пришлось покинуть Афины.

Здесь, в Греции, готовясь к религиозно-философским вечерам, о. Михаил продумывал небольшие религиозно-нравственные эссе, построенные в виде комментариев к текстам Евангелия или отдельным Новозаветным постулатам. Друг и душеприказчик Владыки Михаила А. Леонтьев так описывал процесс создания этого выдающегося произведения: «В повседневной своей жизни о. Михаил придерживался заранее установленного порядка. Вставал он всегда в 6 часов утра. Утренняя молитва продолжалась около часа. После молитвы он неизменно всегда читал дневное Евангелие и по новоду прочитанного излагал свои мысли на отдельных листках. Эти заметки потом он приводил в систему и переписывал на пишущей машине и раздавал их близким знакомым. Так постепенно составлялся сборник статей, заключающих в себе размышления, вызванные чтением Евангелия: впоследствии, уже в годы епископства, они были отпечатаны под заглавием «Над Евангелием». Но еще задолго до этого строки его дневника запечатлели первые мысли на эту тему: «Я должен видеть не себя, а дело свое; а дело мое следующее: говорить и проповедовать, что Евангелие должно быть нашим руководителем в практической жизни, а оно учит любви. Теоретическое же мое дело следующее: показать, что цель, указанная Евангелием, оправдывается и доказывается бытием, природой в развитии, что цель эта естественная, нормальная, долженствующая быть».

Реальное дело оказалось шире рамок первоначального замысла. Из сборника статей «Над Евангелием» выросли в книгу-проводника, книгу-советчика, книгу-проповедника. Сказано: «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Ис. 40:3). Открыть сердца читателей, взломать ледок скорбного бесчувствия наших душ, сделать их готовыми к принятию благой Евангельской вести сумел своей книгой преосвященный Михаил – проповедник милостью Божьей. Частное богословское мнение по нравственно-мировоззренческим вопросам автор соединил с каноническим жанром комментария к Священному Писанию. В своей книге он делал то же, что делал всякий раз, когда отвечал на вопросы своих прихожан, бедных и порфиносных, наивных и мудрых, но одинаково ищущих слова Божия.

Что делать, когда стройное здание личной веры, возведенное, казалось на твердой почве, а не на песке, вдруг заколебалось, и в дальнем, самом потаенном уголке души, снова зашевелилась серая химера сомнения. Как относиться к природе: цветам, животным, деревьям «созданной Богом и обещанной нам земли». Как жить, стареть и умирать в этом мире, чтобы в отведенный для этого час, в мире ином увидеть Ладью Спасения и у своего берега.

Тонкий стилист, Михаил Грибановский получил возможность на страницах книги реализовать эту, еще одну грань своего дарования. Сделать это ранее не позволяли точный стиль и прагматика научных текстов: «Благодатная жизнь неба открывается для нас по мере свободного просветления земли. Делать душу и тело свои чистыми и святыми, возводить окружающую нас природу к ее совершеннейшим формам; просветлять всю сферу данной нам конкретной жизни, животворить ближних тем дыханием, которое мы сами получаем свыше: вот самый верный и надлежащий путь к царству «не от мира сего». В цельной ткани повествования последняя 32-я глава «Воскресная ночь» стоит особняком. В ней отчетливо проступили контуры нового большого замысла – собственного комментария к Новому Завету. Перед главами был пример другого Таврического архипастыря Иннокентия (Борисова), Евангельский комментарий которого «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, изображенный по сказанию всех четырех евангелистов» считался одним из лучших произведений в своем богословском жанре. «Воскресная ночь» была решена в свойственном Михаилу Грибановскому новаторском духе. Текстологический анализ соседствовал здесь с методами герменевтики и сравнительной лингвистики. О том, в какое увлекательное и глубокое исследование могла вырасти эта глава, можно, увы, лишь догадываться.

Греция подарила ему не только небывалый творческий подъем, но и возможность проводить южные ночи за телескопом и звездными картами - астрономия была его давним и серьезным увлечением. Звездное небо – над нами; нравственный Закон – внутри нас... Кантовский афоризм воплощался в его жизни с поразительной буквальностью.

В июне 1894 года Михаил Грибановский оставляет Афины и прибывает в Полтаву, где в течение года находился в сане викарного Епископа Прилукского. Здесь было то же, что и везде до этого: его яркий талант и удивительная харизма заставляли говорить людей: «Как побеседуешь с преосвященным Михаилом, веришь больше в людей, в правду, в добро, бодрее берешься за труд». Живущий иным от-

счетом времени, Владыка Михаил только за один год вывел провинциальную епархию в число лучших в России. Состояние его здоровья стремительно ухудшалось. Декабрьским вечером 1895 г. на Полтавском вокзале толпы людей провожали его на отходящий поезд. Отсюда он отбыл к месту своего последнего служения - в Таврическую епархию.

Здесь, в Тавриде, куда заботливым попечением любящих его людей он был определен не столько служить, сколько достойно умирать, когда естественный ход вещей был уже предопределен и неотвратим, Епископ Михаил избирает для себя самый трудный – миссионерский подвиг, всегда бывший уделом сильных не только духом, но и телом сынов Церкви. Совместно с председателем Императорского Православного Палестинского Общества Великим Князем Сергеем Александровичем преосвященный Михаил способствовал открытию в Тавриде губернского отделения Общества. Реорганизовав печатный орган епархии журнал «Таврические епархиальные ведомости», он сумел придать ему более живой и миссионерский характер. Время краткого архипастырского служения Владыки Михаила было непростым периодом в епархиальной жизни. Сектанты, бич окраинных губерний, были многочисленны и здесь, на канонической территории православия. Предшественники по таврической кафедре и раньше, как могли, боролись с молоканами, штундистами, пашковцами, обосновавшимися в ряде поселений края. Когда одна овца, отбившись от стада, теряет дорогу, добрый пастырь «оставит ... девяносто девять в горах и ... пойдет ... искать заблудшую» (Мф. 18:10). Вероятно, этими словами руководствовались таврические предстоятели, когда в стремлении «взыскать погибшее», вернуть легкомысленных, по неразумению отпавших от матери-Церкви, они встречались и беседовали с группами сектантов. И вот уже, неверно истолковав такую благосклонность, раз оступившиеся стали с высокомерием относиться к членам православной общины и уже без стеснения притязать на особое внимание иерархов. Но всякий раз, сталкиваясь лицом к лицу с попранием основ истинной Веры, смиренный Епископ Михаил становился воином сражающейся церкви, своим исключительным духовным чутьем способным черпать из самой глубины врачующего Евангельского слова. Епархиальный миссионер священник П. Тихвинский так описывал посещение преосвященным Михаилом центров молоканства и штундизма – сел Ново-Васильевки и Астраханки. Когда, оттеснив православных, молокане первыми подошли к нему с хлебом и солью, предстоятель Тавриды решительно отказался от подношения: «Хлеба вашего принять не могу! ... Если я приму хлеб – соль от вас, то что скажут овцы моего стада? Если я вас сравню с ними, то какой пример подам им? ...

- Владыка! От нас всегда и все принимали хлеб и не брезговали нами.

- Я поступаю по своему внутреннему убеждению, ... я скорблю за вас, и готов даже душу свою положить за ваше возвращение в св. Церковь, но принять хлеб соль от вас поистине не могу».

Сказав это, преосвященный Михаил принял хлеб – соль от православного старшины, поблагодарил за честь и, перекрестившись, поцеловал хлеб. Преподнесенный нравственный урок мудр и незабываем - он вновь поднял авторитет православия в отдаленных селах.

О последних часах жизни Епископа Михаила, своего духовника и друга, вспоминал выдающийся деятель православной Церкви XX в. преосвященный Антоний Храповицкий: «Он умирал, как святой подвижник, ... Он улыбался среди мучительных страданий ... Задыхаясь за несколько минут до смерти, он шептал друзьям своим свой последний завет о самоотверженном служении Апостольской церкви».

Он умер 19 августа 1898 г. Тогда ему было только 42 года.

Выполняя завещание преосвященного Михаила, похоронили его в Симферополе, в левом пределе Кафедрального Александро-Невского собора. Памятник на его могиле, изваянный из белого камня, представлял собой уголок церкви: киот с иконой Небесного Покровителя Владыки первого Киевского Митрополита Михаила и аналой. Лежащее на нем мраморное Евангелие навсегда раскрыто на словах: «Се есть Живот Вечный, да знают Тебе, Единого Истинного Бога и Его же послал еси Иисуса Христа» (Иоанн. 17:3).

На панихиде преосвященный Антоний сказал: «Знай же, Таврическая паства, какое сокровище заключено в земные недра под твоим соборным храмом! Эта могила вводит тебя в духовное общение с предстоятелями многих церквей, Российских и Восточных, которые за счастье почли бы помолиться и поклониться у этого гроба».

...Первое гражданское кладбище г. Симферополя. Здесь, у храма Всех Святых, в тени старых деревьев - место последнего упокоения Крымских Архипастырей. Тишину этого места большое стечение людей нарушает нечасто. Так было тогда, весенним днем 20 марта 1996 года, в тот день, когда отсюда райскими воротами шагнул в вечность один из них. В двух шагах от опустевшей могилы Святителя Луки есть еще одна, не совсем обычная могила. Черный полированный цоколь под простым белым крестом хранит овальный след от портрета - на могиле другого человека стояло прежде это надгробие. Сегодня на нем пять имен - представители Таврического духовенства в разном сане. Один из них - Епископ Михаил Грибановский. В далеком 1878 году он писал: «Нужно учиться и действовать! Дремать нечего. Отдыхать в могиле». Бурный XX век дважды нарушал покой его останков: в первый раз, когда в 1930 году был разрушен Кафедральный Александро-Невский собор, и во второй, в 1985-м, когда через кладбище, на котором он был перезахоронен, должна была пройти автомобильная трасса. Так оказались они, все пятеро в одном склепе под белым крестом. Говорят, что во время этого последнего перезахоронения было явлено чудо: когда случайно задели честные останки одного из них, Архиепископа Гурия, на них выступили капли крови, алой и живой...

Шумная площадь между республиканским стадионом и городским рынком. В этом месте как нигде сильно бремя страстей человеческих. **МОЖНО ПОДНЯТЬСЯ НАД ЭТИМ.** Здесь и сейчас. Вверх по лестнице - к храму Всех Святых.

Список литературы

1. Иеромонах Михаил (Грибановский). Истина бытия Божия: Опыт уяснения основных христианских истин естественной человеческой мыслью // Богословские труды. – М., 1990. – Сб. 30.
2. Епископ Михаил (Грибановский). Над Евангелием. – М., 2002.
3. Протоиерей Владимир Мустафин. От редакции // Богословские труды. – М., 1990. – Сб. 30.
4. Мишель Гурина. Философия: Учебное пособие. – М., 1998.
5. Таврические епархиальные ведомости. – 1898. – № 4.
6. Александр Леонтьев. Преосвященный Михаил (Грибановский) епископ Таврический и Симферопольский (1856 –1898). Биографический очерк (с портретом и автографом почившего епископа). -- Полтава, 1911.
7. Таврический церковно-общественный вестник. – 1910. – № 30.
8. Пшенева И.А. Епископ Таврический Михаил (Грибановский) – выдающийся религиозный мыслитель // Культура народов причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 21.
9. Пшенева И., Филимонов С. Кто автор книги о епископе Таврическом Михаиле (Грибановском)? // Берега Тавриды. – Симферополь, 2001... – № 6(59)

Поступило в редакцию 29 сентября 2005 г.